

Л. В. Балтовский, В. Г. Белоус, К. В. Ланицкий

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА: УРОКИ ИСТОРИИ

На примере символической связи двух дат (1917–2017) в статье рассматриваются особенности политического процесса в России прошлого и настоящего. Делается вывод о необходимости утверждения в сознании граждан общественного договора, основу которого составляли бы конституционализм, парламентаризм и федерализм. Эти своеобразные «скрепы» призваны соединять институциональные и ментальные формы современной российской государственности. В начале XX столетия данные принципы были положены в основание политической доктрины партии конституционных демократов («Народной Свободы»). Несмотря на то что кадеты проиграли в 1917 г. исторический спор большевикам, теоретические постулаты партии не утратили своей актуальности в 2017-м. Библиогр 18 назв.

Ключевые слова: государственность, общественный договор, конституционализм, парламентаризм, федерализм, русская революция, партия конституционных демократов, современность.

L. V. Baltovsky, V. G. Belous, K. V. Lapitsky

THE FUNDAMENTAL FOUNDATION OF THE RUSSIAN SOCIAL CONTRACT: THE LESSONS OF HISTORY

The article contains analysis of the political processes of the past and the present in Russia with as an example the symbolic link of the two dates, 1917 and 2017. There follows a conclusion about the necessity of the approval of the social contract in the minds of citizens, based on constitutionalism, parliamentarism and federalism. These kinds of “ties” are designed to connect institutional and mental forms of modern Russian statehood. At the beginning of the 20th century these principles were put in the basis of political doctrine of the Constitutional Democrats Party. Despite the fact that the cadets lost to the Bolsheviks in the historical dispute of 1917, the theoretical postulates of the party has not lost its relevance in 2017. Refs. 18.

Keywords: statehood, social contract, constitutionalism, parliamentarism, federalism, Russian revolution, Constitutional Democrats Party, modernity.

Отечественная политическая наука уделяет большое внимание анализу текущих проблем, вникает в актуальные аспекты функционирования власти в социуме

Балтовский Леонид Васильевич — доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Российская Федерация, 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., 4; leonid.baltovsky@gmail.com

Белоус Владимир Григорьевич — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; v.belous@spbu.ru

Ланицкий Кирилл Валерьевич — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; volktin@yandex.ru

Baltovsky Leonid V. — PhD, Professor, St Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, 2-nd Krasnoarmeiskaya st., 4, St Petersburg, 190005, Russian Federation; leonid.baltovsky@gmail.com

Belous Vladimir G. — PhD, Professor, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; v.belous@spbu.ru

Lapitsky Kirill V. — Postgraduate student, St Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; volktin@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

и вместе с тем постоянно удерживает во внимании прошлое страны. В этом смысле 2017 год особый, юбилейный, а значит, символический. Символизм есть связь в сознании различных феноменов [1]. Современное знание о причинах и следствиях русской революции по преимуществу апофатично: монархический и советский типы общественного развития оказались одинаково нежизнеспособными — разумеется, каждый по собственным причинам, о чем говорил президент России на заседании клуба «Валдай» в 2013 г. Здесь же он упоминал, что жители страны вновь столкнулись в конце прошлого столетия с вопросами национально-государственной идентичности: «Кто мы?», «Кем мы хотим быть?» [2]. Считается, что Россия идет в истории своим, особым путем. Однако нелишним будет напомнить, что любые политические институты и нормы базируются на конвенции, согласии граждан. Речь идет не о конкретике, которая сама по себе является постоянным предметом несогласия — острых политических конфликтов и идейной борьбы. «Под несогласием мы будем понимать определенный тип речевой ситуации: когда один из собеседников сразу и понимает, и не понимает, что говорит другой» [3, с. 15]. Говоря о конвенции, мы имеем в виду как раз такие фундаментальные принципы, которые не могут не признаваться всеми участниками политического дискурса и исторического процесса. Такой договор должен характеризоваться официально-стью, публичностью и универсализмом [4, с. 66]. Для России, и это объединяет две символические даты прошлого и настоящего, актуальны три принципа, которые лежат в основе государственности: конституционализм, парламентаризм и федерализм. Их толкованию в контексте уроков истории посвящена настоящая статья. Главным источником, историко-политологическим материалом, от которого мы отталкиваемся, является политическая доктрина партии кадетов («Народной Свободы») [5]. Разумеется, сегодня нельзя ограничиваться схоластическими ответами на заданную тему. Решение проблемы лежит в плоскости актуальной политической практики.

О конституционализме

Существует точка зрения, согласно которой конституционализм в отечественной общественно-политической жизни являлся «политической (или правовой) идеологией либерализма» [6, с. 75]. Такого рода оценка представляется избыточно расширительной. В рамках политической доктрины «Партии Народной Свободы» конституционализм не был целым, т. е. самой идеологией, но лишь ее важной и неотъемлемой составляющей. В начале прошлого века кадеты взяли на себя миссию внедрить данный идеологический постулат в жизнь российского общества. Сам по себе он мог стать частью политического процесса только благодаря взаимодействию усилий общественности и государственной власти. Признанный лидер партии П. Н. Милюков вкладывал в идею конституционализма смысл всеобщих, т. е. общепринятых и общеобязательных, правил. Требования, выработанные и усвоенные всеми цивилизованными странами, он считал вполне применимыми и в России: «...то, что доступно для всех, не может быть признанным недоступным для нас, — если только мы не хотим признать себя какими-то вырожденками человечества» [7, с. 7]. При этом лидер кадетов решительно отбрасывал целый ряд суждений, приписываемых ему политическими противниками. Речь шла о том, что собствен-

ное политическое творчество русского народа закончилось и потому необходимо ориентироваться на конституционный строй (институты и правила) западно-европейского образца; о том, что не существует принципиальных различий в условиях жизни и развития между Россией и западноевропейскими государствами, что должно способствовать переносу форм, выработанных на Западе. Дискуссии вокруг проблемы конституционализма, разгоревшиеся еще в самом начале прошлого столетия, стали наглядным свидетельством всей остроты и глубины общественных противоречий. Их содержание вполне ассоциируется с современностью. Сторонники «традиционалистского» подхода утверждали, что Россия в корне отличается от европейских стран и потому нет никакой необходимости переносить сюда выработанные на Западе государственные формы. Они защищали идею «самобытности», согласно которой отечественная традиция государственности всегда существовала в виде прямой формы обращения народа к самодержцу. С их точки зрения, решение задачи заключалось в своеобразной «непосредственной демократии», а именно — в устранении из политического механизма ненужного элемента — бюрократии, опосредующего отношения между самодержавием и народом и препятствующего плодотворному взаимному общению власти и населения России. Кадеты, в свою очередь, отстаивали тезис о примате правопорядка над политическими реалиями. Они полагали, что конституционализм, основанный на принципе господства права, ограничивает властные полномочия государственных органов и руководителей государства, реализуя данные ограничения при помощи установленных процедур и норм. Такое понимание, опирающееся на примат права над государственной властью, безусловно, стало новым для политического самосознания начала XX столетия. Однако ему не суждено было пройти испытание революцией 1917 г. Причин тому множество; укажем лишь на некоторые. Во-первых, не было самой конституции (в буквальном смысле — «социального контракта»), которой могли бы соответствовать реформируемые политические институты и изменяющееся политическое сознание. Во-вторых, в условиях лимита исторического времени, необходимого для соответствующих реформ, господствовал принцип революционной целесообразности. В-третьих, русская революция не ограничивалась исключительно внутривнутриполитической повесткой. Главными на тот исторический момент были социальный вопрос о собственности, в первую очередь о земле, и внешнеполитический вопрос о мире. Перебрасывая мостик к современности, мы можем только констатировать, что и по сей день право не стало в России регулятором политических и социально-экономических процессов. И это несмотря на то, что количество принимаемых законов постоянно увеличивается. Периодически возникают разговоры о конституционной реформе и даже о новой Конституции РФ. Не углубляясь сейчас в содержательные аспекты этих дискуссий (обзор актуальных точек зрения см. в статье А. Воржецова «Конституционная реформа или новая Конституция России?» [8]), отметим, что никакие изменения буквы и даже духа законов не реализуют автоматически принцип конституционализма в сознании граждан. Любое конституционное реформирование, проводимое вне консенсуса, не только неизбежно ведет к радикализации ситуации, но и негативным образом сказывается на правосознании. В этом заключается первый урок 1917 г.

О парламентаризме

Социальной почвой для утверждения конституционализма является растущая потребность организации в стране представительных органов власти. Консенсусная форма правления напрямую связана с активизацией частнобизнесных интересов и распространением буржуазного способа производства. Общество, в котором господствует капиталистическая (рыночная) экономика, видоизменяется посредством расширения и дифференциации сферы социально-экономической, а впоследствии и политической субъектности. Новые элементы социальной структуры общества быстро превращаются в самостоятельных «игроков» на политической сцене, давление которых на государство вскоре превышает допустимые старыми правовыми порядками пределы. В начале XX в. зависимость становления конституционных норм от формирования нового конституционного механизма проявилась в самом факте зарождения отечественной политической традиции парламентаризма, к истокам которой также причастна «Партия Народной Свободы». Ее политические лидеры и идеологи полагали, что господство парламентаризма заключается в переносе центра тяжести политической жизни в стране от исполнительной власти к законодательной. Так, по мнению С. А. Котляревского, только «новейшее конституционное государство», тяготеющее к «широко понимаемому парламентаризму», может обеспечить необходимый для адекватной внешней политики внутренний режим «политической солидарности правительства и органа, признанного авторитетным выразителем общественного права» [9, с. 4]. Соответственно, только парламентский строй мог, как казалось кадетам, обеспечить надлежащие условия для расширения государственной деятельности во внешнеполитической сфере, в первую очередь благодаря росту политического веса всей массы избирателей, а также реальному представительству разнообразных общественных интересов. Крупнейший специалист в области государственного права Ф. Ф. Кокошкин, отождествляя правовое демократическое государство с конституционным государством, специально подчеркивал, что необходимым элементом государственного строительства, венчающим «конституциональный режим» и тем самым завершающим общеполитическую конструкцию, является именно парламентаризм [10, с. 261]. В задачи первого в истории Отечества парламента вменялись: поддержка законодательными нормами неприкосновенности личности, гражданского равноправия и общественных свобод, введение и обеспечение действия всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права — не только на уровне верховной власти, но и в местном самоуправлении, а также законодательное разрешение аграрного вопроса и удовлетворение конфликтных национальных требований. Однако недолговечность отечественной парламентской конструкции была, по существу, «запрограммирована» отсутствием того самого общественного договора, которому посвящена данная статья, т. е. общественного согласия вокруг проблем социального и государственного устройства в России. Можно только согласиться с мнением, высказанным известным специалистом в области истории отечественного конституционализма: «Конституционный строй как сложноорганизованная политико-правовая система требовал согласованного действия всех его составных частей. Его функционирование было возможно в обновленной России в условиях согласия, или консенсуса, не только между различными партиями и течениями,

а между основными органами исполнительной и законодательной власти. И если конституционный строй в России не удержался, то вовсе не благодаря недостаткам русской Конституции 1906 г., а в связи с тем, что возможности, которые она предоставляла <...> обществу и государству, а также партийным группам и фракциям в законодательных учреждениях, не были в полной мере ими использованы для утверждения конвенциональных основ конституционализма» [11, с. 321]. И сегодня в России, как и сто лет тому назад, главное условие утверждения принципа парламентаризма заключается в том, что он должен быть не чем иным, как сферой народного представительства. В настоящее время органы законодательной власти формируются, скорее, на основе различных групп влияния, которые только в силу исторических аналогий именуется политическими партиями [12]. Сведение барьера численности избирателей к бесконечно малой величине, неудобное для значительного числа граждан время проведения избирательных кампаний, многочисленные нарушения во время выборов — эти и другие негативные факторы определенно не способствуют утверждению принципа парламентаризма в общественном сознании. Следует помнить, что альтернативой народному представительству может быть только так называемая уличная демократия. Однако после того, как политика выходит на улицу, вернуть ее обратно к институциональным формам крайне сложно. Это второй урок 1917 г.

О федерализме

Конституционные демократы начала XX столетия делали ставку на выигрыш в долговременной стратегии (реформы, воспитание, эволюция и т.п.), однако терпели поражения в повседневной тактике, которая, как правило, предполагает ориентацию на удержание политической власти ради самой власти. Центральная для партии тема «политической свободы» ставилась в зависимость от адекватного взаимодействия политики и культуры. Задача создания условий по свободному политическому развитию трактовалась как средство, в то время как культурное возрождение интерпретировалось в качестве стратегической цели. Один из идеологов партии писал: «Политика никогда не может заменить культуры, а тем более превратить ее в свою служанку; и чем напряженнее политическая борьба, тем необходимее, дабы она не вырождалась в столкновение мелких интересов и личных страстей, всем борющимся признавать первенство культурных ценностей, существование незыблемых нравственных начал, которые никогда и ничему не должны приноситься в жертву...» [13, с. 354–355]. Культура воспринималась партийными идеологами фундаментальной основой социального и политического развития. Не случайно именно «Партия Народной Свободы» впервые в России поставила историческую задачу формирования политической нации, хотя такое название и не присутствовало в лексиконе того времени. В партийной программе было зафиксировано требование равенства всех российских граждан без различия национальностей перед законом. Документ, выражавший общезначимую точку зрения, содержал целый ряд предложений по конституционному закреплению и гарантированию всем населяющим Российскую империю народностям, помимо утверждения принципа полного гражданского и политического равноправия всех граждан, особого права свободного культурного самоопределения. Политическую доктрину кадетов

отличали два важнейших положения, характеризующих принцип федерализма: приоритет общегосударственных начал над национальными, а также объединение национальных и территориальных общественных интересов. Федерализм — краеугольный камень общественного договора и для современной России. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика существовала в составе СССР. Свой нормативный федеративный статус Россия сохранила и в постсоветскую эпоху. И РСФСР, и РФ возникали на месте разрыва с прежней формой государственности [14]. Заметим, что распадаются не федерации, а империи, и не имеет принципиального значения, какое наименование начертано на государственных «скрижалях». Современная Россия стоит перед актуальной проблемой формирования политической нации. Во многом эти две задачи (федерация и политическая нация) сближаются; по крайней мере, они должны решаться не сами по себе, а взаимозависимо и одновременно. Процесс «собрания» этносов в политическую нацию является предметом многочисленных современных политологических исследований [15]. Наличные точки зрения в целом можно разделить на три условные группы. Первая, преимущественно связанная с марксистской традицией, отдает предпочтение экономике. Считается, что социальную, духовную и, соответственно, политическую интеграцию обуславливает экономическое единство. Назовем данную парадигму «экономикоцентричной». Другая позиция редуцирует политическое единство непосредственно к устойчивым политическим факторам — государству, управлению, идеологии. Политика при таком подходе самодостаточна, определяя формирование и развитие других сфер общественной жизни. Соответственно, данную точку зрения будем именовать «политикоцентричной». Наконец, третья позиция объясняет происходящие в обществе структурные изменения метаморфозами сознания и в самом широком смысле эволюцией культуры. И сегодня при обращении к проблематике межнациональных отношений и этносоциальных процессов культуроцентризм остается универсальной парадигмой. От развития общей культуры зависят и политика в целом, и политическая культура в частности. Мы полагаем, что осуществление принципа федерализма (формирования современной российской политической нации) напрямую обусловлено поисками общественным сознанием универсального ответа на вопросы исторического национального самоопределения, объективными требованиями эпохи, целевыми задачами для России XXI столетия. В первенстве культуры заключается еще один, третий, урок 1917 г.

О фундаментальных принципах

Вполне уместно поставить вопрос, почему именно эти три концепта объясняют современную российскую государственность. Дело в том, что в них отображаются такие ключевые для функционирования любой политики понятия, которые мы именуем областью задания, или определения государственности (по аналогии с математической функцией): социальный строй, механизм общественной коммуникации, форма внутrigосударственного единения. Что же касается области значения, или изменения государственности, которую мы ассоциируем с общественным сознанием, то здесь уместной маркировкой будет термин «плюрализм», который сам по себе не является отражением какого-либо качественного состояния, а выступает эрзацем господствующей сегодня культуры постмодерна [16]. Корреля-

ция между сознанием и институтами, принципами и собственно политическим процессом как раз осуществляется в виде общественного договора. На содержании этого понятия остановимся чуть более подробно. Из мировой политической мысли (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др.) хорошо известно, что классические представления об общественном договоре так или иначе апеллируют к фундаментальным социально-экономическим правам и свободам человека. В истории государств общественный договор возникает на разных стадиях развития как некое соглашение (контракт), которое понимается не в качестве определенного результата, но как универсальный способ решения возникающих общественных проблем. Это означает, что в дилемме «движение» или «конечная цель», которая восходит к Э. Бернштейну, классическая теория общественного договора определенно оказывается на стороне «движения», или политического процесса. «Я открыто признаюсь, — писал в 1898 г. лидер немецкой социал-демократии, — что очень плохо понимаю и очень мало интересуюсь тем, что обыкновенно разумеется под “конечной целью социализма”. Эта цель, что бы она ни представляла, для меня — ничто, движение же — все. Под движением же я понимаю как *общее развитие общества, т. е. социальный прогресс, так и политическую и экономическую агитацию и организацию для осуществления этого прогресса*» [17, с. 220]. Таким образом, в одном случае общественный договор можно рассматривать как идеал, перспективу развития общества на конкретном этапе его истории; в другом — как нормативную данность, зафиксированную в целом ряде документов, и прежде всего в Основном Законе, в третьем — как движение к обозначенному в норме результату. Выделенные нами принципы являются системообразующими по отношению к целому; их можно называть «целевыми функциями» политического развития. Возникая в определенный период истории, они остаются определяющими, фундирующими последующий ход исторического времени. Обратим внимание еще на одну, менее приметную характеристику общественного договора. В русском языке этимология слова «договор» (равно как и концепт «доверие», лежащий в основании легитимации политической власти) прямо указывает на то, что данное универсальное соглашение предваряет последующие дискурсивные практики (до-говор): «...все фразы, в которых подлежащим является государство, суть фразы теологические, что не означает, что они ложны, покуда государство является теологической сущностью, то есть той, что существует благодаря вере» [4, с. 62]. Иными словами, предметом ревизии могут быть какие угодно конституционные нормы, сама практика политического представительства или форматы внутригосударственной организации, однако базовые принципы общественного договора — конституционализм, парламентаризм и федерализм — для *сохранения* основ государственности, по нашему мнению, должны оставаться неизменными [18].

Литература

1. Белоус В. Г. Философия времени Андрея Белого и «История становления самосознающей души» // Russian Literature. 2011. LXX (1–2). С. 39–48.
2. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». URL: <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения: 10.01.2017).
3. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. СПб.: Machina, 2013. 190 с.
4. Бурдьё П. О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Издательский дом ДЕЛО, 2016. 719 с.

5. Балтовский Л.В. Политическая доктрина партии конституционных демократов. СПб.: СПбГАСУ, 2009. 255 с.
6. Медушевский А.Н. Политическая философия российского либерализма в сравнительной перспективе // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 74–93.
7. Милуков П. Год борьбы: Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб.: Общественная Польза, 1907. 550 с.
8. Воржецов А. Конституционная реформа или новая Конституция России? URL: <http://www.lawinrussia.ru/content/konstitucionnaya-reforma-ili-novaya-konstituciya-rossii> (дата обращения: 10.01.2017).
9. Котляревский С.А. Правовое государство и внешняя политика. М.: Тип. Г.Лисснера и Д.Собко, 1909. 428 с.
10. Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М.: Бр. Башмаковы, 1912. 306 с.
11. Кравец И.А. Конституционализм и русская государственность в начале XX века. М.: ЮКЭА, 2000. 368 с.
12. Baltovskij L., Belous V. Communicative Element in the Activities of Russian Political Parties: Past and Present // World Applied Sciences Journal. 2013. Vol. 23 (7). P. 936–940.
13. Котляревский С. Партии и наука // Полярная звезда. 1906. № 5. С. 353–359.
14. Белоус В.Г. К вопросу о «Феномене России», или Политическая современность как разрыв между памятью и воображением // Вестн. С.-Петерб. ун-та Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 4. С. 134–140.
15. Baltovskij L., Abalian A., Belous V., Ereemeev S. Applied aspects of Politics in Russia // The Social Sciences. 2016. Vol. 11, is. 5. P. 631–638.
16. Белоус В.Г. Политическая рефлексия и понятие «государственность» // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза. 2013. Т. 9, № 4. С. 32–41.
17. Бернштейн Э. Очерки из теории и истории социализма. СПб.: Б.Н.Звонарев, 1902. 400 с.
18. Белоус В.Г. [Рец.] Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли) [М., 2011] // ПОЛИТЭКС. Политическая экспертиза. 2011. Т. 7, № 4. С. 249–250.

Для цитирования: Балтовский Л.В., Белоус В.Г., Лапицкий К.В. Фундаментальные основания российского общественного договора: уроки истории // Вестник СПбГУ. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 1. С. 12–20. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.102.

References

1. Belous V.G. Filosofii vremeni Andreia Belogo i “Istoriia stanovleniia samosoznaiushchei dushi” [Philosophy time of Andrei Bely and “The history of the self-conscious soul”]. *Russian Literature*, 2011, LXX (1–2), pp. 39–48. (In Russian)
2. Vystuplenie Vladimira Putina na zasedanii kluba “Valdai” [Vladimir Putin speech at the session of the Valdai International Discussion Club]. Available at: <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (accessed: 10.01.2017). (In Russian)
3. Ransér Zh. *Nesoglasie: Politika i filosofii* [Rancière J. *Disagreement: Politics and Philosophy*]. St. Petersburg, Machina Publ., 2013. 190 p. (In Russian)
4. Burdè P. *O gosudarstve: Kurs lektii v Kollezh de Frans (1989–1992)* [Bourdieu P. *About State: Lectures at the Collège de France (1989–1992)*]. Moscow, BUSINESS Publishing House, 2016. 719 p. (In Russian)
5. Baltovskii L. V. *Politicheskaiia doktrina partii konstitutsionnykh demokratov* [Political doctrine of the Constitutional Democratic Party]. St. Petersburg, SPSUACE Publ., 2009. 255 p. (In Russian)
6. Medushevskii A. N. *Politicheskaiia filosofiiia rossiiskogo liberalizma v sravnitel’noi perspektive* [Political Philosophy of Russian liberalism in comparative perspective]. *Russkii liberalizm: istoricheskie sud’by i perspektivy* [Russian liberalism: historical destiny and prospects]. Moscow, ROSSPEN, 1999, pp. 74–93. (In Russian)
7. Miliukov P. *God bor’by: Publitsisticheskaia khronika. 1905–1906* [The year of struggle: journalistic chronicle. 1905–1906]. St. Petersburg, Obshchestvennaia Pol’za, 1907. 550 p. (In Russian)
8. Vorzhetsov A. *Konstitutsionnaia reforma ili novaia Konstitutsiia Rossii?* [Constitutional reform or new Constitution of Russia?]. Available at: <http://www.lawinrussia.ru/content/konstitucionnaya-reforma-ili-novaya-konstituciya-rossii> (accessed: 10.01.2017). (In Russian)
9. Kotliarevskii S. A. *Pravovoe gosudarstvo i vnesniaia politika* [The rule of law and foreign policy]. Moscow, Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1909. 428 p. (In Russian)

10. Kokoshkin F. F. *Leksii po obshchemu gosudarstvennomu pravu* [Lectures on the general state law]. Moscow, Br. Bashmakovy, 1912. 306 p. (In Russian)
11. Kravets I. A. *Konstitutsionalizm i russkaia gosudarstvennost' v nachale XX veka* [Constitutionalism and the Russian state at the beginning of the XX century]. Moscow, YUKEA, 2000. 368 p. (In Russian)
12. Baltovskij L., Belous V. Communicative Element in the Activities of Russian Political Parties: Past and Present. *World Applied Sciences Journal*, 2013, vol. 23 (7), pp. 936–940.
13. Kotliarevskii S. Partii i nauka [Party and science]. *Poliarnaia zvezda*, 1906, no. 5, pp. 353–359. (In Russian)
14. Belous V. G. K voprosu o “Fenomene Rossii”, ili Politicheskaja sovremennost' kak razryv mezhdu pamiat'iu i voobrazheniem [On the question of “Phenomenon of Russia”, or political modernity as the gap between memory and imagination]. *Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 6, Philosophy. Cultural Studies. Political science. Right. International relationships*, 2014, no. 4, pp. 134–140. (In Russian)
15. Baltovskij L., Abalian A., Belous V., Ereemeev S. Applied aspects of Politics in Russia. *The Social Sciences*, 2016, vol. 11, is. 5, pp. 631–638.
16. Belous V. G. Politicheskaja refleksii i poniatie “gosudarstvennost” [The political reflection and the concept of “state”]. *POLITEKS. Politicheskaja ekspertiza*, 2013, vol. 9, no. 4, pp. 32–41. (In Russian)
17. Bernshtein E. *Oчерки iz teorii i istorii sotsializma* [Outlines of the theory and history of socialism]. St. Petersburg, BN Zvonarev, 1902. 400 p. (In Russian)
18. Belous V. G. [Rets.] Shirinians A. A. Nigilizm ili konservatizm? (Russkaja intelligentsiia v istorii politiki i mysli) [M., 2011] [Shirinyants A. Nihilism or conservatism? (Russian intellectuals in the history of politics and ideas) [M., 2011]]. *POLITEKS. Politicheskaja ekspertiza*, 2011, vol. 7, no. 4, pp. 249–250. (In Russian)

For citation: Baltovsky L. V., Belous V. G., Lapitsky K. V. The fundamental foundation of the Russian social contract: the lessons of history. *Vestnik SPbSU. Political science. International relations*, 2017, vol. 10, issue 1, pp. 12–20. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.102.

Статья поступила в редакцию 5 ноября 2016 г.
Статья рекомендована в печать 15 декабря 2016 г.